

МАЛАЙЗИЯ¹

В сентябре 1963 г. в Юго-Восточной Азии родилось новое государство, которое присвоило себе старое, но забытое в течение XX в. название — Малайзия. В это государство, федеративное по своему устройству [Графский, Страшун 1968: 169—188], объединились Малайская Федерация, расположенная на полуострове Малакка (площадь 51 тыс. кв. км, население 8 млн) и две бывшие английские колонии на Северном Калимантане — Сабах (площадь 76 тыс. кв. км, население 525 тыс.) и Саравак (площадь 125,2 тыс. кв. км, население 840 тыс.)². Их отделяет от основной части Малайзии Южно-Китайское море.

Малайзия — самое молодое государство в Юго-Восточной Азии, очень небольшое по территории и по численности населения (всего около 11 млн) — чрезвычайно своеобразная страна, в которой естественно сочетаются любопытные контрасты в области геологии и географии, флоры и фауны [Malaysia 1964: 44—67] с контрастами в эволюции и структуре общества. В ней совмещены разновременные крайности этнического и социально-экономического развития — от кочевых негритосов-охотников и собирателей, не достигших еще уровня этнического сознания, до высокоразвитых народов с обостренным чувством своей национальной принадлежности. Разнородный этнический состав, сконцентрировавшийся на территории Малайзии³, и особенно предельная неравномерность социально-экономического развития населения этой области прочно сохраняют за ней установившуюся еще в XIX в. славу «рая для этнографа». Но то, что является счастливой находкой для ученых, оказывается тяжелым бременем для правительства, которому приходится постоянно лавировать и нередко менять свою тактику в области национальной политики, чтобы сохранить достигнутую относительную стабильность в различных областях жизни малайзийского общества.

Многие особенности современных национальных взаимоотношений, о которых пойдет речь, глубоко связаны со всей предшествующей историей заселения этой территории, с ее промежуточным географическим положением, которое предопределило разнообразные культурные и этнические контакты по суше и по морю еще в древнейшие времена. Малаккский полуостров (основная часть Малайзии) является мостом между континентальной Азией и Индонезийским архипелагом и Австралией, который не могли обойти народы в своих первоначальных миграциях. За полторы-две тысячи лет массовое вторжение пришельцев с Азиатского материка оттеснило в глубинные районы коренных обитателей Малаккского полуострова. Ка-

¹ Впервые опубликовано в: Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974. С. 210—231.

² До 9 августа 1965 г. в состав Малайзии входил и Сингапур (площадь 581 кв. км, население около 1 млн).

³ По переписи 1947 г. указывается более 50 народов [Народы Юго-Восточной Азии 1966; Malaysia 1964].

кой бы характер ни носила миграция — волнообразной фильтрации или однократного массового потока народов, которые приобрели определенные генетические свойства в результате смешения [Keesing 1950: 110–119], — она впервые разделила народы прибрежных и высокогорных районов, причем различия между этими народами существуют на территории Малайзии и осложняют ее внутригосударственную жизнь по сей день.

В древности и в средневековье Малайзия оказалась в сфере перекрестного влияния Индии и Китая. Через Малаккский полуостров осуществлялись торговые связи между Индией, Средним и Ближним Востоком с одной стороны, и Восточной Азией — с другой. За счет этого процветали империя Шривиджайя (VII–XIII вв.) и позже Малаккский султанат (XV–XVI вв.), а на торговых путях выросли известные мировые порты: Малакка, Пинанг, Сингапур, куда стекалось многочисленное и пестрое население из разных стран. И в дальнейшем, в течение XV–XX вв., иммиграция играла основную роль в росте населения этой территории: в XV–XVII вв. главным образом за счет движения народов с Суматры на Малаккский полуостров, в XVIII–XIX вв. — массовых миграций китайцев и индийцев, в XIX — начале XX в. — за счет переселенцев из разных областей Индонезии. И сейчас, когда морской путь в Восточную Азию также пролегает через Малаккский полуостров, Малайзия продолжает быть таким же важным стратегическим и экономическим центром, как и в XVIII в., когда Англия и Голландия оспаривали господство над Малаккским проливом.

До сих пор свою притягательную силу сохраняют для иммигрантов исключительные природные богатства Малайи⁴, а также сравнительно высокий уровень жизни. В стране самый большой валовой национальный доход на душу населения из всех стран Юго-Восточной Азии — около 300 долл. в год [King 1957: 54]. Постоянный приток населения из других стран, прежде всего из Китая и Индии, продолжался вплоть до 1947 г., когда было издано постановление об ограничении иммиграции. В результате наступила относительная стабилизация населения Малайзии, но значительно усилился процесс внутренней миграции, т. е. передвижение народов в пределах государственных границ.

В последнее время хлынула новая волна переселенцев из Индонезии. Сейчас в Малайзии насчитывается около 25 тыс. индонезийцев [Bastin, Winks 1966: XI], которые, будучи по языку и культуре родственными малайцам, легко приспособиваются к новым условиям. Миграция индонезийцев в Малайю шла с давних пор, причем несколькими этапами, но никогда не достигала таких масштабов, как китайская или индийская. В начале XX в. из Индонезии прибыло 22 705 человек на плантационную работу, в основном выходцы с Явы [Bahrin 1967: 274]. Особенно усилилась миграция индонезийцев после Второй мировой войны; в 1957 г. она составляла

⁴ Малайя находится в центре оловянного пояса, который тянется на север к Таиланду и южнее к Бирме; в восточных штатах имеются богатые запасы железной руды, в Южной Малайе — значительные запасы бокситов и т. д.

15 % населения Малайской Федерации, т. е. 342 600 человек. В том же году был установлен строгий правительственный контроль над эмиграцией из Индонезии, а с 1963 г. она стала почти невозможной. Большая часть переселенцев из Индонезии осела на западном побережье Малаккского полуострова [Bahrin 1967: 280]. Самая крупная концентрация суматранского населения — в штате Селангор. В современных условиях трудно учесть процент индонезийского населения, так как в большинстве статистических сведений оно отождествляется с малайским [Bahrin 1967: 279].

Такая затянувшаяся история заселения Малайзии, а также продолжительные и разносторонние связи с другими странами, смешение пришельцев с местным населением были важны не только в торговом и политическом отношениях — они оказывали влияние на историческую судьбу и культуру данных народов и приводили к серьезным этническим изменениям в этой области. Из четырех основных групп современного населения Малайзии — малайцев, китайцев, индийцев и аборигенов — последние оказались меньше всех подверженными этническим контактам. С давних пор они были оттеснены в самые глубинные районы страны.

Под условным наименованием аборигенов подразумеваются древнейшее домалайское население негроидного (семанги) и веддоидного (сенои) типа, протомалайские племена (джакуну) и коренное население Северного Калимантана — областей Саравака и Сабаха.

Первобытные племена кочевых негритосов-пигмеев (семангов) насчитывают около 10 тыс. человек [Tregonning 1964: 4] и населяют северную часть Малаккского полуострова, склоны Центрального хребта, верховья рек Паханг, Тренггану, Келантан, Перак. Сенои (около 60 тыс.), стоящие на более высокой ступени развития [Tregonning 1964: 4], обитают в центральных высокогорных районах полуострова (штат Паханг к северо-востоку от озера Дампар, штат Перак около Кампара, горные районы Келантана). Семанги и сенои относятся к народам монкхмерской лингвистической группы. Джакуны (около 30 тыс.) живут в основном в низменных районах южной части Малаккского полуострова. Если семанги, сенои и джакуны географически и исторически всегда были связаны с Малаккским полуостровом и входили во все государственные образования на его территории, по крайней мере с VII в. н. э., то иначе обстоит дело с коренными жителями Саравака и Сабаха, объединенными общим термином *даяки*.

Лишь с тех пор как Саравак и Сабах провозгласили себя независимыми от Англии и включились в состав Малайзии, население этих бывших английских колоний оказалось формально связанным общей территорией с населением Малайской Федерации. До этого же отделенный от Малаккского полуострова проливом Северный Калимантан развивался самостоятельно, исторически всегда был чужероден Малайе и ничто не объединяло родственные народы Малайи с народами Северного Калимантана. Они не имели в прошлом ни экономических, ни культурных связей, кроме самых незначительных в тот период, когда обе территории находились под властью Англии.

Сами даяки, составляющие 8 % населения Малайзии, представляют собой далеко не единообразную этническую группу. С одной стороны, между ними существует большое сходство в социальной организации (родоплеменной), в жилище (длинные дома), обычаях, верованиях, языке, но с другой — имеются и значительные различия в одежде, семейной организации (моногамная семья у дусунов и мурутов и большая семья у кайянов и т. д.). Одни из них — кочевые пунаны, клемантаны — близки по уровню развития к малаккским аборигенам (джакунам), муруты — к сеноям [Southeast Asia 1967: 356], другие — кайяны, кенья — к народам внутренних районов Минданао (Филиппины), третьи — меланану — занимают промежуточное положение: по языку они родственны кайянам, по религии, занятиям, антропологическому типу, жилищу и одежде ближе стоят к малайцам.

В настоящее время трудно уловить, какие процессы происходят у отсталых меньшинств Малайзии под влиянием соседних высокоразвитых крупных народов. Не все малые народы уже осознают себя определенной этнической общностью, а следовательно, не все могут четко сформулировать свои требования в области национальной политики.

Подобный факт не вызывает у правительства желания игнорировать эти народы. Наоборот, оно стремится как-то приобщить их к современным условиям жизни Малайзии и выработать разный подход к разным группам аборигенов. При этом учитываются разнородность древнего населения, различный уровень этнического самосознания, опыт существования в государствах до образования Малайзии и уже сложившиеся традиции управления народами. Проще решается вопрос об отношении к аборигенам Малаккского полуострова. Коренные обитатели его немногочисленны, давно входят составной частью в малайские государства, и политика в отношении их напоминает правительственную политику по отношению к аборигенам Австралии. Еще в 1952 г. аборигены Малаккского полуострова были объявлены гражданами Малайской Федерации, а в переписи 1957 г. их даже причислили к малайской этнической общности.

Для облегчения ассимиляции аборигенов с малайцами департамент по делам аборигенов составил многообещающую программу их изучения, в которой предусматривалось распространение среди них малайского языка и малайской системы образования. В то же время особенно подчеркивалась необходимость сохранять их традиционные ремесла и искусство и изучать аборигенов так, чтобы не превращать живых людей в музейные экспонаты, привлекающие внимание иностранных туристов [King 1957: 48, 49]. В целом аборигенное население Малаккского полуострова пока стоит в стороне от вопросов национальной политики. Если они и оказывают сопротивление правительственному курсу ассимиляции, то столь незначительное, что сведения об этом не просачиваются в официальную печать.

По-иному решается вопрос с даяками, которые стоят на более высоком уровне развития по сравнению с аборигенами Малайи и составляют основную массу населения Саравака и Сабаха. Будучи вполне лояльными по отношению к малайзийскому государству и даже овладев малайским языком,

народы Калимантана все-таки четко осознают свою этническую принадлежность и упорно признают себя только кенья, келабитами, кайянами, мурутами, ибанами, бисайя и т. п. [Southeast Asia 1967: 321]. Свое родство с малайцами Малаккского полуострова даяки ощущают гораздо слабее, чем с соседними народами Восточного Калимантана — теми же мурутами, кайянами, ибанами и кенья [Southeast Asia 1967: 327]. Действительно, эти народы, тяготеющие друг к другу вследствие этнической, культурной и лингвистической близости, еще недавно свободно общались друг с другом и лишь в последние несколько лет оказались по разные стороны границы. В сущности, даяки боятся ассимиляции с малайцами [Southeast Asia 1967: 308] и поэтому активно выступают против предпринимаемой трансмиграции малайского населения, которая могла бы разгрузить перенаселенные области на Малаккском полуострове и привести к более равномерному распределению жителей по всей территории Малайзии.

До самых последних лет развитие Северного Калимантана шло так, что внутриостровные связи преобладали там над межостровными, почему правительству и пришлось столкнуться с проблемой «внутренней изоляции» аборигенов Саравака и Сабаха. Не сумев выработать самостоятельную систему управления этими народами, малайзийское правительство пока пользуется уже сложившейся английской. Саравак продолжает находиться на особом положении по сравнению с другими составными частями Малайзии: пользуется самоуправлением и системой своих представительств при центральном правительстве [Southeast Asia 1967: 336–337]. Сабах не имел таких прав при англичанах, не имеет он их и сейчас.

Процесс ассимиляции аборигенов Калимантана идет не столь спокойно, как на Малаккском полуострове, и правительству то и дело приходится сталкиваться с выступлениями даяков против употребления малайского языка и системы образования на малайском языке. Особенно острые формы приняло антималайское выступление даяков в связи с отказом Брунея войти в состав Малайзии.

Как бы ни была трудна задача ассимиляции аборигенов и как бы ни были запутаны отношения крупных и малых народов Малайзии, не они определяют национальную специфику этого государства. Сложность национальной структуры Малайзии в отличие от других стран Юго-Восточной Азии состоит не во взаимоотношениях крупных народов с меньшинствами, а во взаимоотношениях местного населения (малайского) с пришлым (китайским и индийским), которое по численности превосходит местное. От согласованных действий этих народов прежде всего зависит будущее федерации. Чтобы понять это, следует подробнее рассмотреть положение каждой из трех основных групп современного населения.

Малайцы Малайзии (около 4 млн) сосредоточены в основном в восточных штатах федерации Келантане и Тренггану и населяют преимущественно сельские районы страны. Малайская общность четко противопоставляет себя немалайскому населению и оказывается по своим признакам наиболее однородной по сравнению с китайской и индийской.

Современное малайское население Малайзии происходит от смешений древних пришельцев с аборигенами, затем с более поздними родственными им народами, пришедшими уже не с северо-востока, а с юга, — малайцами Суматры, устремившимися на золотые прииски Паханга, бугами из Сулавеси, овладевшими в начале XVIII в. Селангором, а также китайцами, индийцами, тайцами и арабами, которые постоянно прибывали в торговые города и легко ассимилировались с местным населением. Малайцев связывают между собой сходная социальная организация, традиционная экономическая система, язык, общий исторический опыт — индустриализация на рубеже I—II тыс., образование малайских государств (Шривиджайи и Малаккского султаната⁵) и затем последующий период проникновения европейцев. Объединяет малайцев и религия — ислам, проникший на Малаккский полуостров в начале XV в. и до сих пор занимающий господствующее положение. Он объявлен государственной религией Малайзии.

В связи с проблемой взаимоотношений между этническими общностями встал вопрос: кого же считать малайцами? Учитывая все вышеизложенные факторы, Конституция Малайзии провозгласила малайцем того, кто исповедует ислам, говорит на малайском языке и придерживается малайских обычаев.

Однако, несмотря на перечисленные признаки, малайская общность не является абсолютно однородной, что вполне можно ожидать от народа такого пестрого происхождения. И в самой Малайе, и особенно на Северном Калимантане внутри малайской общности существуют социальные и культурные различия.

На Калимантан малайцы начали проникать с XIII—XIV вв. с Малаккского полуострова и Суматры и заселили западное побережье острова — район мангровых болот и песчаных равнин. В целом малайцы Калимантана еще сохраняют языковое, этническое и культурное родство с малайцами Малаккского полуострова и Суматры, но комплекс особых географических и исторических факторов (труднопроходимые леса, замедленные и усложненные контакты с другими народами) привел к тому, что малайцы Калимантана все больше приобретают сходство в образе жизни со своими соседями — даяками, чем со своими родственниками — малайцами Малаккского полуострова.

Китайское население по численности почти равно малайскому (3,5 млн). Оно сосредоточено главным образом в экономически развитых районах на территории Малайской Федерации (в западных штатах) и на юге Малаккского полуострова. Исторически сложилось так, что китайское население преобладает во всех городах.

Торговые связи Китая с малайцами восходят к первым векам нашей эры, о чем сообщается в китайских хрониках династий Лян (502—557 гг.),

⁵ Период Малаккского султаната (XV — начало XVI в.) был, по мнению Гинзбурга, «высшим этапом малайской государственности, а вся история с 1537 по 1900 г. — лишь медленная и спорадическая дезинтеграция старой малайской империи» [Ginsburg 1958: 29].

Тан (618–907 гг.), Сун (960–1279 гг.), Юань (1280–1368 гг.) и Мин (1368–1644 гг.). Контакты двух государств продолжались вплоть до падения Шривиджайи (XIII в.) и были унаследованы преемником Шривиджайи — Малакским султаном. Ежегодно из Китая в Малакку прибывало 10 джонок, нагруженных шелком, мускусом, медью, железными изделиями, которые обменивались на перец и другие пряности [Malaysia 1964: 114–115]. Отношения Малакки и Китая держались на взаимной выгоде: Малакке нужна была надежная защита от Сиам, которую она находила в лице китайского императора, Китаю было удобно сбывать свои товары в малаккском порту. Китайские хроники пестрят постоянными сообщениями о миссиях и посольствах из Малакки, сопровождавшихся дарами и подношениями (в 1403, 1406, 1409, 1411, 1414, 1419, 1424, 1431 гг. и т. д.). В историческом произведении «Седжарах Мелаю», написанном в период расцвета Малаккского султаната, также освещаются взаимоотношения двух государств, представленные, как это свойственно малайской историографии, в легендарной форме [Dewan Bahasa 1963: 15–17]. В этом же произведении имеются упоминания о китайских поселениях в Малакке, браках между представителями царствующих семей Китая и Малакки и т. п. [Sedjarah Melaju 1952: 29–30, 32, 141–142]. Из исторических китайских и малайских хроник обнаруживается, что постоянные связи Малайзии и Китая ограничивались только торговлей и взаимными визитами государственных чиновников, массовых же китайских поселений в то время еще не существовало.

Более поздние сообщения португальских историков д'Альбукерки, Ж. Барруша, Т. Пиреша также говорят о незначительной роли китайского населения в средневековой Малакке, где они занимали особый квартал — кампонг Чина. Не изменилось положение и во время голландского господства в Малакке (1641–1795 гг.), известно только, что в 1750 г. китайцев в Малайе насчитывалось 2161 человек.

Массовый приток свободных китайских иммигрантов начался в период британского господства в Малайе и продолжался вплоть до Второй мировой войны. Это было вызвано острой нехваткой рабочих рук для оловянных разработок. Китайская иммиграция шла несколькими волнами исключительно из южных провинций Китая — Гуандуна, Фуцзяня и Гуанси. По переписи 1957 г., на территории Малайзии среди китайского населения преобладали лица, говорящие на диалектах фуцзянь (730,6 тыс.), кэцзя (508,8 тыс.), юэ (505,2 тыс.), цзяочжоу (283 тыс.) [Purcell 1965: 224].

Китайское население Малайи, начав с работ по добыче олова, железа, угля, золота и вольфрама, сумело постепенно овладеть важными секторами экономики в стране. На долю китайских компаний приходится 40 % ежегодной добычи олова, в их руках находятся средние и мелкие предприятия, а также торговля. По размерам капиталовложений китайцы занимают второе место после англичан. Класс крупной и средней буржуазии в Малайе в основном составляют лица китайской национальности, они руководят торговлей, финансами и промышленностью.

Различные волны миграций из разных районов Китая определили четкую концентрацию и профессиональные занятия китайского населения в Малайе. Китайцы, говорящие на диалекте миньшань в Пенанге и Малакке, занимаются торговлей, а в Джохоре, Селангоре, Пераке — земледелием; китайцы, говорящие на диалекте юэ, — прежде всего горнорабочие, на диалекте хакка — рабочие оловянных рудников и т. п.

Китайская общность в Малайе наиболее замкнутая. В ней стойко сохраняется своя материальная и духовная культура, традиции в постройках, пище, одежде, религии, искусстве, семейной организации и системе образования на китайском языке. До недавнего времени эта общность существовала как относительно независимая экономическая единица, внутри которой были объединения, построенные по диалектальным или профессиональным признакам с очень сильными родственными связями. Правда, изменения в экономической и политической жизни Малайи в послевоенный период (усиленный процесс урбанизации) успешно подрывают эти связи. Кроме того, длительное сосуществование с другими народами вдали от родины — источника их культуры — не могло не сказаться хотя бы в незначительной степени даже на такой изолированной общности. Это заметно уже в существовании социальной организации нового типа в деревне, внешне сохранившей традиционный китайский вид [Wan Gungwu 1964: 195].

Буддизм китайцев, способствующий их сближению с народами Бирмы и Таиланда, является пока труднопреодолимым барьером в их отношениях с мусульманами-малайцами. Религиозные различия остаются одной из причин строгой изоляции китайцев. И все-таки уже сейчас заметна определенная тенденция малаизации китайцев, особенно в бывших нефедерированных штатах, где китайцы вступают в более тесные связи с малайцами и где больше смешанных браков, в результате которых они становятся мусульманами. Особую прослойку малаизированных китайцев составляет группа *баба* — так называют потомков от браков малайцев с китайскими поселенцами, прибывшими еще в период Малаккского султаната (XV–XVI вв.). Китайцы баба носят обычно малайскую одежду и говорят на смешанном китайско-малайском наречии.

Третью по численности группу населения Малайзии составляют индийцы (около 1 млн вместе с пакистанцами), занимающие главным образом районы на западном побережье Малаккского полуострова вокруг Куала Лумпура, Кланг-Малакки, Пенанга; 90 % всего индийского населения страны занимают выходцы из Южной Индии (тамилы, телугу, малайяли), называемые в Малайе *оранг-клинг*⁶, остальные — выходцы из Северной Индии — бенгальцы, панджабцы, раджастханцы и другие, называемые *бенгали*.

Связи Малайи с Индией, так же как и с Китаем, традиционны и восходят к I тыс. н. э., когда появились первые торговые колонии индийцев

⁶ Это наименование им дано по названию древнего южноиндийского государства Калинга, расположенного на территории современной Ориссы и поддерживавшего в V в. н. э. оживленные связи с Малаккским полуостровом.

в Юго-Восточной Азии. Длительный период торговых контактов сопровождался постепенным распространением индийской культуры и эмиграцией купцов, которые двинулись к «золотому Херсонесу» — Малайе тех дней [Wheatley 1961] — за драгоценными металлами. В первые века нашей эры на восточном и западном побережьях Малаккского полуострова возникло около 30 «индианизированных» государств, сведения о которых сохранились только в китайских источниках и названия многих из них имеются лишь в китайской интерпретации. Это были государства Лангкасука (II в.), Тамбралинга (II в.), Тун-Сун (III в.), оставившие после себя памятники и наскальные санскритские надписи, датированные IV–V вв.

Индийские религиозные культы, искусство, санскрит пронизывали духовную жизнь того времени. Островная империя Шривиджайя (VII–XIII вв.), оплот буддизма в малайском мире, создала величественные буддийские произведения архитектуры и изобразительного искусства, сохранившиеся до наших дней. Несколько столетий (XV–XVI вв.) спустя индийские купцы принесли с собой новую религию — ислам — и распространили ее теми же методами, как некогда индуизм (склонение на свою сторону местных вождей, брачные союзы, торговля, непосредственная пропаганда новых идей). Ислам, пришедший в Малайю, был пропитан индийскими элементами, уже давно не чуждыми малайцам, почему он довольно мирно и легко вытеснил другие религии.

В средневековой Малакке тамильские купцы составляли влиятельную торговую прослойку города и во многом определяли политику малаккских султанов. Торговые операции в городе производились индийскими купцами, в руках которых сосредоточились богатые запасы золота [Sedjarah Melajū 1952: 279, 283]. Когда португальский завоеватель Дьюго Лопеш ди Сикейра прибыл в 1509 г. в Малакку, он не без удивления заметил, что «этот народ доставил премного славы Малакке» (цит. по: [Winstedt 1951: 20]).

Несмотря на разрушение многих памятников индуизма и буддизма в связи с распространением ислама, арабской графики, арабской и персидской литературы, элементы индийской культуры полностью не исчезли, а срослись в симбиозе с мусульманскими. Это особенно четко выявляется в ритуалах церемонии возведения на престол султана, восходящих к глубокой древности [Winstedt 1946: 197–198], которые можно было наблюдать еще в 1960 г. в Джохоре.

Индийские элементы культуры пронизывают и повседневную малайскую жизнь. «Достаточно посетить малайскую свадьбу и увидеть благочестивого мусульманина, неподвижно сидящего в продолжение всей церемонии, впервые занесенной сюда 2 тыс. лет назад, как ясно представишь себе всю силу индийского влияния», — пишет К. Г. Трегоннинг [Tregonning 1964: 18].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что связи Индии и Малайзии, столь же давние, как и с Китаем, но несравненно более глубокие по своему культурному влиянию, не вызывали особенно большого притока индийских поселенцев в Малайю. К началу XIX в. их было не более 20 тыс.,

в основном торговцев, которые, как и китайские поселенцы, постепенно мирно ассимилировались. Но уже к середине XIX в. положение резко меняется — совершенно ослабевает культурное влияние индийцев и начинается их массовое прибытие в страну, вызванное исключительно экономическими потребностями — нехваткой рабочих рук сначала на плантациях сахарного тростника в Пенанге и провинции Уэлсли, затем на кофейных и, наконец, на каучуковых плантациях, где и сейчас занято большинство индийского населения.

Благодаря особой системе *кангани*⁷ резко подскочили цифры индийского населения. В 1921 г. их насчитывалось 908 тыс. [Enriquez 1927: 239], но эти цифры постоянно менялись, отражая приливы и отливы индийских поселенцев, которые, как правило, после окончания трехлетнего контракта возвращались на родину. В том же 1921 г. в Индию вернулось 562 тыс. человек. Стабилизация индийского населения наступила лишь после Второй мировой войны. Этому немало способствовала официальная политика государства, рассматривавшая индийцев как одну из основных национальностей Малайи, а также изменившийся состав поколений, родившихся в Малайе, которые знали о родине своих отцов не по непосредственным впечатлениям, а через связи, которые они приобрели внутри индийской общности в Малайе. В целом индийская общность в той же мере, как и китайская, носит обособленный характер и живет в основном сельской местности [Ginsburg 1958: 325, 330, 343].

Взаимоотношения индийцев с малайцами спокойнее, чем с китайцами, так как их связывают одна религия — ислам, которую исповедуют многие южные индийцы, а также сходные обычаи, происходящие из одного источника — Индии. Среди индийских эмигрантов еще сильные кастовые, деревенские и личные узы, привязанности к Индии, которые выражаются в том, что каждые 3–4 года индийцы возвращаются на родину или хотя бы посещают ее. Число индийцев, постоянно посещавших Индию, в 2–3 раза превышало число китайцев [Ginsburg 1958: 358]. Индийцы настолько традиционны в своих обычаях, что готовы носить истрепанную одежду, выработанную в Индии, чем новое платье, сшитое из малайской ткани.

После Второй мировой войны у малайского и китайского населения заметно повысился интерес к политической жизни, и только индийцы продолжают занимать в ней скромное место, сохраняя в значительной степени политическую ориентацию на Индию. Они считают, что временно покинули Индию, и, кроме того, надеются на ее покровительство и защиту интересов своих соотечественников в Малайе.

Внутри индийской общности наблюдается менее резкая дифференциация, чем в китайской. Хотя и среди индийцев имеется крупная, средняя и мелкая буржуазия, а также рабочие плантаций, но в целом это общность «среднего класса» примерно равного экономического положения.

⁷ По системе *кангани* каждый вербовщик должен был предоставить хозяину плантации не менее 20 рабочих из своей деревни, за что он получал комиссионные.

Подобно китайским ассоциациям, представляющим различные диалектные группы, имеются и внутрииндийские разделения, вызванные разным происхождением, например ассоциации «южных» и «северных» индийцев. Так, северные индийцы, несмотря на свой небольшой процент в общем индийском населении, играют значительную роль в профсоюзах, чем южные. В довершение всего постоянно происходит расщепление индийской общности по религии — на мусульман и индусов.

Итак, одновременная иммиграция китайцев и индийцев в Малайзию менее чем за 100 лет изменила этническую структуру малайского государства и привела к созданию своеобразного общества, подобного которому нет ни в одной стране мира. Это государство нельзя назвать многонациональным, так как оно не представляет единый конгломерат народов и наций, издавна занимающих определенную территорию, родственных или разных по происхождению, но связанных между собой общими длительными историческими узами. В малайзийском обществе отсутствует столь характерное для многонационального государства свободное общение лиц разных национальностей. Сформированная относительно недавно, этническая структура Малайзии состоит в основном из трех замкнутых групп, разных по происхождению, языку, социальным и культурно-бытовым признакам. Эти группы сосуществуют в пределах общемалайзийской государственности, но стойко сохраняют все вышеперечисленные признаки, не поддаваясь ассимиляции. Некоторые авторы употребляют для национальной характеристики Малайзии термин *многосоставное (плюральное) общество* [Ginsburg 1958: 131; Tregonning 1964: 162], противопоставляя его термину *многонациональное*.

Новый термин более точно определяет современное состояние государства, подчеркивая не только разноплеменной этнический состав, но и независимый характер существования трех групп населения, объединенных общей территорией в известном смысле лишь механически. Кроме того, малайзийское общество в целом представляет собой форму сосуществования крупных популяций, отпочковавшихся от больших этнических общностей и еще не вступивших решительно на путь консолидации. И в этом оно также резко отличается от государств, которые обычно называются многонациональными. Если этническую общность малаккских аборигенов можно определить как племя, а более развитых даяков — как народность, то как быть с китайцами и индийцами, которые являются как бы «осколками» наций, сложившихся за пределами Малайзии? Китайское и индийское население Малайзии, достаточно долго проживающее на территории нового государства и занимающее прочные экономические позиции в государстве (малайцам приходится считаться с их интересами), все еще тесно связано всем укладом своей жизни с Индией и Китаем, хотя непосредственных связей с ними не поддерживает.

Эти компактные группы образуют совершенно новые типы этнической общности. Нелегко решить и вопрос о малайцах как этнической единице, ибо нужно для этого выработать критерии, которые бы отделили малайцев

Малайи от малайцев Индонезии. Таким образом, этнический состав такого небольшого государства требует более точной дифференциации существующих типов этнических общностей и ставит вопрос о выделении особых этнических единиц — компактных масс лиц определенной национальности, оказавшихся вне основной территории их расселения.

Уже сам факт существования трех групп населения, из которых ни одна не имеет подавляющего большинства в обществе, достаточен для того, чтобы затруднить отношения между ними. К этому следует добавить, что речь идет не о малых народах, которые могут быть поглощены более крупными, а о народах, вполне сравнимых по величине и богатству своих традиций. Каждый из них не намерен жертвовать какими-то чертами из того комплекса социальных, экономических и культурных черт, которые характеризуют этническую общность. К этническим различиям примыкают различия религиозного, регионального и демографического порядка, которые еще больше усугубляют межнациональные контрасты.

Крайне неравномерна этническая концентрация населения: 83,5 % населения живет в западных штатах Малайи, причем это преимущественно китайцы и индийцы, в то время как малайцы сосредоточены в восточных штатах — Келантан и Тренггану. Резкий контраст существует также между густозаселенной территорией западных штатов Малайзии и малозаселенной территорией Калимантана: в Сараваке 1/4 часть населения сосредоточена в области Кучингсериян, в Сабахе основное население сконцентрировано вокруг городов Джесселтон и Сандакан. Правительство пыталось выровнять такое соотношение путем переселения, но встретило протест со стороны жителей Калимантана, которые, боясь оказаться в лавине малайцев, требовали установления контроля над внутренней миграцией. Неодинаков и уровень урбанизации населения: свыше 50 % городского населения во всех штатах — китайское, в сельской местности преобладают малайцы. Не последней причиной национальных трений является и различный естественный прирост у разных групп населения. Китайцы имеют самый высокий естественный прирост населения (3 %), что особенно заметно на территориях Сабаха и Саравака, коренное население которых прибавляется медленными темпами. В Сабахе 23 % населения — китайцы; на Калимантане с 1947 по 1960 г. прирост китайского населения составил 58 %, в то время как туземного — только 28 % [Purcell 1965: 77]. Малайские экстремисты, учитывая высокий естественный прирост китайцев и их экономическую силу, опасаются китаизирования Малайи и решительно требуют больше прав и привилегий лицам малайской национальности. Такую позицию занимает Панмалайская мусульманская партия.

Существенные различия между тремя основными группами населения, этническая изоляция и взаимоотношения между народами являются самой важной социально-экономической проблемой сегодняшнего поколения Малайзии. В ней скрещиваются многие нерешенные вопросы и скрыт источник многих конфликтов. Это показали последние события, когда обостренные межнациональные отношения, разное толкование одного

и того же лозунга «Малайзия для малайзийцев»⁸ правящими кругами Сингапура и Малайи привели 9 августа 1965 г. к взрыву — выходу Сингапура из Малайзии. В связи с этим усилилось антималайское движение в Сабахе и Сараваке.

До Второй мировой войны английская администрация в интересах своей политики свела к минимуму отношения между китайцами, малайцами и индийцами и обеспечила в стране более или менее прочное механическое «национальное равновесие». Малайцы находились тогда в особом положении по сравнению с другими общностями. Это выражалось в том, что с малайскими правителями штатов заключались договоры и соглашения, официальные чиновники назначались из числа малайцев, дела велись на малайском языке. В области сельского хозяйства индийцам и китайцам запрещалось владеть землей. Китайское население было лишено политических прав и проявляло, в сущности, полную индифферентность к политической жизни из-за временного характера китайских поселений. Китайцы укрепляли свои позиции прежде всего в экономике. Их связь с правительством осуществлялась по двум каналам: через своих представителей в федеральных органах или британских чиновников, которые были посредниками между малайскими правителями и китайскими жителями.

Вторая мировая война нарушила прежний ритм жизни малайского общества и ускорила все процессы в стране, которые в мирных условиях развивались скрыто и замедленно. Во-первых, изменилась политическая ориентация китайского населения: ослабела их связь с родиной, откуда они пришли, и усилилась их привязанность к стране, которая их приняла. Во-вторых, в связи с ограничением иммиграции увеличился процент местных китайцев, причем большее число китайцев получило гражданство и соответственно увеличилось их участие в выборах. В настоящее время 62 % китайцев считают своей родиной Малайю [Ginsburg 1958: 245], связывают с ней свои жизненные интересы и отнюдь не безразличны к своему политическому будущему. То же самое, хотя и в меньшей мере, наблюдается и среди индийцев.

Защита своих жизненных интересов в Малайе толкала малайцев, китайцев и индийцев на политическую борьбу за самоуправление. На какой-то краткий период времени были смягчены их националистические устремления и родилось общее чувство национализма в желании освободиться от иностранного управления. Для достижения независимости, ощущая необходимость друг в друге, представители трех общностей объединились в Союзную партию (Альянс), состоящую из Объединенной малайской нацио-

⁸ Правящие круги Сингапура, основное население которого китайцы, имели в виду Малайзию, состоящую из равноправных Малайи, Сингапура, Сабаха и Саравака, ликвидацию деления общества по национально-расовому признаку, предоставление немалайцам оптимальных прав. Правящие круги Малайзии хотели сохранить малайцентризм, т. е. привилегированное положение малайцев в политической жизни.

нальной организации, Ассоциации китайцев в Малайе и Индийского конгресса Малайи. Независимость Малайе была предоставлена, но расхождение конкретных представлений о независимости⁹ подготовило почву для дальнейших разногласий.

В последнее время наряду с существующими центробежными факторами обозначились и некоторые центростремительные, способствующие сплочению трех этнических групп. Разделенные по национальному, религиозному и языковому признакам, эти группы оказались связанными друг с другом на общей территории в одной социальной, экономической, политической структуре и приобрели общие черты, определяемые общими условиями жизни, сравнительно высоким жизненным уровнем, системой социального обеспечения, здравоохранения и системой образования.

Ускоренный темп урбанизации, классовое расслоение в городе и деревне часто ломают этнические границы и создают межнациональные кооперации. Например, в 1957–1963 гг., несмотря на противоречия между китайской, индийской и малайской буржуазией, наблюдалось заметное сращивание их экономических интересов. В 1962 г. образовалась Объединенная торговая палата Малайской федерации, в которую вошли малайская, китайская и индийская торговые палаты. Представители трех национальных групп местной буржуазии создали также несколько совместных предприятий. В данном случае действует такое соотношение: факторы, ослабляющие внутреннюю интеграцию одной общности, укрепляют ее связи с другой не по этнической, а по классовой линии. И наоборот, факторы, способствующие внутренней интеграции одной общности, ведут к еще большей отчужденности ее от других. Это можно увидеть во взаимоотношениях малайской и китайской общностей, когда страх перед экономическим господством китайцев сплотил малайцев в стремлении захватить экономику в свои руки (о чем говорится ниже), что неизбежно привело к столкновению с китайцами, которые не желали расставаться со своими исторически сложившимися привилегиями. Стремление китайцев принимать большее участие в политической жизни в свою очередь вызвало явно выраженное недовольство малайцев.

Развивающаяся социальная стратификация в Малайзии, как и в других странах, подрывает этническую замкнутость и приводит к образованию межнациональных слоев, например интеллигенции (образованных людей), которые имеют между собой больше общих черт, чем с другими членами своей этнической группы.

Политические деятели и ученые-социологи были озабочены тем, чтобы не упустить в послевоенной обстановке благоприятные, с их точки зрения, возможности для образования единой нации Малайзии, и давали свои рецепты и рекомендации, чтобы стимулировать этот процесс. Рассуждая о «гармонии рас», необходимой для «мирной и стабильной жизни», они

⁹ Для малайцев независимость означала только уход Англии, для китайцев и индийцев — Малайское государство, где они были бы полноправными членами общества.

ссылаются на опыт европейских стран и США, где этнические различия не стали непреодолимым барьером для национальной интеграции [Silcock 1961: V]. Правительство старалось найти такой подход в национальной политике, чтобы удовлетворить большинство населения, содействовать рождению общего чувства, которое обеспечило бы национальное объединение.

Существующее разделение сфер влияния — малайцев в политической жизни, а китайцев в экономической — оказалось неудовлетворительным ни для тех, ни для других. Для того чтобы уравновесить политическую силу малайцев и экономическую силу китайцев, правительство провело ряд экономических, административных и культурных мероприятий. В интересах укрепления и развития малайской буржуазии правительство Союзной партии субсидировало предприятия малайских капиталистов из государственного бюджета, производило разведку оловянных месторождений в малайских поселениях, сохраняло запреты на владение землей для китайского и индийского населения.

В 1960 г. была учреждена корпорация по финансированию промышленного развития Малайской Федерации, которая предоставила займы из государственных средств местным частным компаниям, поощряя развитие мелкого и среднего бизнеса. Для облегчения финансирования предприятий местной буржуазии правительство Малайской Федерации в 1962 г. снизило проценты на ссуды государственных банков страны с 7 до 6,5 [The Malay Mail 1962]. В свою очередь, большее число китайцев и индийцев получили права гражданства, и, следовательно, усилилась их роль в политической жизни. Однако проблема гражданства еще окончательно не решена, и лица немалайского происхождения часто встречаются препятствия при получении прав гражданства. Малаец, родившийся не в Малайе, имеет больше оснований получить гражданские права, чем китаец или индеец, родившийся в Малайе, но не сумевший сдать экзамен по малайскому языку. Права гражданства получают все аборигены независимо от времени их проживания на территории Малайзии, даже совсем недавние иммигранты с Восточного Калимантана, в то время как китайцам в четвертом или шестом поколении их получить очень трудно [Southeast Asia 1967: 344]. Поэтому не случайно предлагается более разумное решение вопроса о гражданстве и национальной принадлежности — замена национальности гражданством. Если любой национальности осознал, что его отношения с народами других общностей не менее важны, чем его внутриэтнические связи, и если он выразил свою политическую лояльность, то вопрос о его гражданстве, согласно Конституции 1957 г., может считаться решенным [Silcock 1961: 14, 17, 31; King 1957: 35].

Граждане Малайи стали рассматриваться как новая политическая общность, состоящая из малайцев, китайцев и индийцев. Был введен новый термин для обозначения гражданина Малайи — *малайянец* (*Malayan*). Но поскольку лидеры малайского государства вложили в новое понятие комплекс прежде всего малайских национальных элементов, то охотно считали

себя малайяйцами только малайцы. Китайское и индийское население откалось называть себя малайяйцами и выдвинуло собственное толкование нового термина, который, по их мнению, не должен заключать в себе никаких национальных и культурных признаков, а служил бы лишь необходимым выражением политической лояльности [Bastin, Winks 1966: 102]. Таким образом, замена национальности гражданством не должна была означать растворение одного народа в другом, ибо эти народы, единые в пределах общемалайзийской государственности, сохраняли присущие только им культурно-бытовые признаки.

Способствовать росту национального единства призвана была и политика в области культуры, требующая особенно тонкого и дифференцированного подхода. Проблема создания общемалайзийской культуры — одна из самых сложных в национальной политике, и обсуждается она в Малайзии в буквальном смысле слова на разных языках. Так, проблема малайской культуры в становлении общемалайзийской обсуждается в прессе на малайском языке — в журналах *Dewan Bahasa*, *Utusan Melayu* и газете *Berita Melayu*, которые недоступны лицам немалайской национальности. В подобном же положении находятся и малайцы, когда в китайской прессе ставится вопрос о месте китайской культуры в малайзийской. Малайяйская литература, существование которой провозгласил журнал *Dewan Bahasa*, оказалась на деле литературой только о малайцах и для малайцев [Парникель 1965: 191–197]. В редакционной статье «Национальная литература и ее задачи» подчеркивается, что национальной литературой является только та, которая написана на национальном языке. А произведения, написанные на китайском или тамильском языках и рассказывающие о жизни современной Малайии, не могут считаться ни китайской или тамильской литературой, ни национальной литературой Малайзии [Dewan Bahasa 1963: 195].

Справедливо усматривая в языке главную трудность в общении лиц разной национальности, правительство Малайзии пыталось разрешить этот вопрос, но забывало, что такие крупные народы, как китайцы и индийцы, опирающиеся на свои слишком значительные и своеобразные культурные традиции, не могут слиться в единообразной культуре одного народа, даже если она будет связана общим для всех языком. Политика в области языка и образования, проводившаяся до последнего времени, отдавала предпочтение малайзации культуры.

Борьба за национальный язык как составная часть борьбы за независимость — общее явление в странах Юго-Восточной Азии (например, в Индонезии). По Конституции 1957 г. малайский язык был провозглашен государственным и национальным языком (*bahasa kebangsaan*). В этом закреплялась общеизвестная историческая роль малайского языка, который успешно конкурировал с другими местными и европейскими языками, будучи средством межнационального общения по крайней мере с VII в. н. э.

Для сплочения народов Малайзии были выдвинуты лозунги «Язык — дух нации» (*Bahasa — jiwa bangsa*) и «Национальный язык — язык сплочения» (*Bahasa kebangsaan — bahasa perpaduan*). По Конституции английский

язык в течение 10 лет должен оставаться языком официальных, административных дел и контактов с внешним миром. Китайскому и тамильскому языкам предоставлено право быть языками общения в ограниченных пределах (в некоторых случаях в парламенте, правительственных органах). Была поставлена задача превратить к 1967 г. национальный язык в единственный государственный язык страны. Для развития и обогащения малайского языка, стандартизации произношения и написания в 1959 г. правительством был организован Совет языка и книги. Издается также словарь национального языка, а с 1962 г. ежегодно проводятся месячники национального языка, чтобы привлечь внимание к необходимости распространения языка в сфере администрации, торговли и промышленности [Dewan Bahasa 1962: 97–100].

На страницах журнала *Dewan Bahasa* постоянно печатаются статьи по проблемам национального языка, в каждом номере предлагается на обсуждение новая терминология, создается также полномочный комитет по национальному языку, в его обязанности входит усиленное внедрение малайского языка в различные сферы жизни. Кроме того, для лиц немалайского происхождения был введен экзамен по национальному языку при поступлении в среднюю школу, а для государственных служащих организованы специальные курсы малайского языка [Dewan Bahasa 1963: 1–3].

На малайском языке развивается обширная современная литература. Для того чтобы лица немалайской национальности имели возможность овладеть малайским языком, в журналах и газетах печатаются переводы китайских произведений на малайском языке. В приветственной речи на открытии семинара по языку и литературе нынешний премьер-министр Абдул Разак сказал: «В нашей борьбе за создание крепкой и прочной нации язык и литература — вот те надежные опоры кроме религии и экономики, на которые мы должны полагаться. Только основываясь на них, можно построить надежное национальное здание, которое бы соответствовало устремлениям нашего народа» [Dewan Bahasa 1962: 247].

В настоящих условиях искусственное форсирование такого действенного средства объединения народов, как общий язык, — лишь повод для национальных беспокойств. Испытывая ущемление своих интересов и дискриминацию своего языка, китайское население, например, настаивает на том, чтобы парламент был многоязычным и чтобы был отменен экзамен по языку при получении прав гражданства и поступлении на гражданские службы (взывая к помощи Англии).

Не менее остро стоит вопрос об образовании. В послевоенный период, особенно в период чрезвычайного положения, когда выяснилось, что китайских студентов больше, чем малайских, правительство поставило задачу создания национальной, т. е. унифицированной, системы образования с общей программой для всех школ. Это мероприятие рассматривалось как «существенный элемент в развитии единой нации» [Malaysia 1964: 201]. Во всех школах вводилось преподавание малайского языка, и было сообщено, что к 1960 г. будет завершено составление общих программ. Для того чтобы

большее число малайцев могло получать среднее и высшее образование, были построены учебные заведения в сельских местностях, где преобладает малайское население. На деле оказалось, что и в системе образования не так легко перекинуть мост через многочисленные языковые и культурные традиции. Приходится считаться с различными особенностями школ, сложившимися у разных народов, населяющих территорию Малайзии. Кроме того, надо учитывать различия между промышленными и сельскими районами в Малайе. Еще более глубокие различия существуют между Малайей, Сабахом и Сараваком, где был введен малайский язык, который никогда не был родным для жителей этих районов. В начальных школах этих районов его вытесняет английский. В статьях, посвященных национальному языку, было отмечено, что в Сараваке и Сабахе внедрение малайского языка идет крайне замедленным темпом, и признается, что английский язык пользуется безусловным приоритетом [Dewan Bahasa 1962: 148].

Индийское население требует организации государственных школ на своих языках как в городах, так и в сельской местности. В 1963 г. министерство образования пошло на некоторые уступки — снизило требования по языку при поступлении в среднюю школу. Но такая полумера вызвала недовольство с двух сторон — со стороны националистически настроенных преподавателей университета, которые считали, что снижение требований к знанию языка ослабит стремление изучать его, и со стороны представителей других национальностей, потребовавших полной отмены экзамена по языку до тех пор, пока в стране не будет достаточное количество квалифицированных учителей малайского языка [Dewan Bahasa 1963: 481–486].

Столкнувшись с многочисленными преградами, правительство отступило от своей схемы национального образования, и первым шагом такого отступления было восстановление китайской системы в Сингапуре, когда еще он входил в состав Малайзии. Стремление стимулировать естественные процессы сближения, для того чтобы ускорить национальную интеграцию, привело, таким образом, к противоположным результатам. Восстановление системы образования было также и первым переходом от политики ассимиляции к более приемлемой в настоящее время политике, называемой *культурным плюрализмом*. Эта политика обеспечивает свободное течение разных культурных потоков, которые встречаются друг с другом и в чем-то сливаются, оставляя свой вклад в общем культурном наследии и сохраняя свои примечательные черты.

Национальные проблемы — самые важные для современного малайского правительства — отражены в деятельности важнейших партий страны. Борьба партий по экономическим и политическим вопросам в значительной мере носит межнациональный характер. Правящая Союзная партия, где господствующее положение занимает Объединенная малайская национальная организация, в своей компромиссной политике все еще стремится поддержать дух национального равновесия между тремя группами населения.

Неудовлетворенность умеренно промалайской политикой современного правительства и теми материальными выгодами, которые принесло само-

управление малайцам, отражает Панмалайская мусульманская партия, которая провозгласила лозунг «Малайя для малайцев» и теократическое мусульманское государство. Эта партия имеет многочисленных сторонников в штатах Тренггану и Келантан. Недовольство немалайского населения страны теми статьями Конституции, которые обеспечивают привилегии малайцам, отражает Прогрессивная партия, имеющая поддержку в штате Перак в районе Ипох. В целом эта партия выражает интересы китайской и индийской мелкой буржуазии и настаивает на абсолютном равноправии всех национальностей, многоязычии, т. е. признании китайского и тамильского языков официальными, а также настаивает на сохранении различной системы образования. Члены этой партии критикуют правительство за недостаточное внимание к политическим и экономическим интересам китайского и индийского населения, за государственный контроль над учебными программами и ограниченные возможности получить образование на родном языке.

Все эти причины таят в себе источник постоянного скрытого недовольства разных групп населения, которое подчас перерастает в вооруженные конфликты. Такая вспышка национальной вражды была в 1967 г. В мае 1969 г. произошло еще более сильное столкновение китайцев и малайцев. Оно привлекло внимание всей мировой прессы и вызвало тревогу за будущее этого государства.

До тех пор пока сохранится неравенство в экономическом и политическом положении трех основных народов Малайзии и пока правительство будет проводить политику хотя бы и умеренной малаизации, достичь желаемой цели — национального единства — будет очень трудно. Поскольку в Малайзии нет народа, на базе которого могла бы сформироваться ведущая малайзийская общность, то для сохранения «национального согласия» следует всемерно и на равных условиях удовлетворять интересы всех трех групп населения в области экономики, политики и культуры. Правительственным кругам уже сейчас стало ясно, что необходимо делать упор на факторы, сближающие народы, и они не должны быть исключительно малайскими.